

Шекспиръ.

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Сц. I, II, III, IV.

Переводъ Н. А. Толстого.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищества И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д.

1902.

Шекспиръ.

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Сц. I, II, III, IV.

Переводъ Н. А. Толстого.

Дозволено цензурою. Москва, 10 июля 1901 г.

МОСКВА

Типо-лит. Товарищества И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д.

1902.

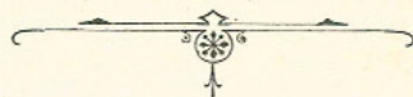
Крылатое время уноситъ насъ все дальше и дальше отъ той блестящей эпохи, когда, спустя полторы тысячи лѣтъ послѣ Рождества Христова, могучія силы человѣческаго творчества уже на христіанскомъ міровоззрѣніи развили такой пышный ростъ, что достигли вновь лучшаго расцвѣта, какой когда-либо замѣченъ въ сумракѣ отдаленнѣйшихъ временъ.

Одно только непобѣдимое греческое искусство не было превзойдено. Лучшія скульптуры, какъ Микель-Анджеловскій „Моисей“, хотя по силѣ не уступаютъ классическимъ статуямъ, но далеко не имѣютъ той удивительной гармоніи, которую мы невольно ощущаемъ въ каждой жилѣ, въ каждой мышцѣ хотя бы бельведерскаго знаменитаго торса. Тѣмъ не менѣе для всего послѣдующаго эпоха возрожденія такъ же недостижима, какъ и эпоха расцвѣта греческаго искусства, и Шекспиръ, несмотря на отдѣляющія насъ отъ него полтысячи лѣтъ, представляется намъ чѣмъ-то до того исчерпывающимъ человеческое существованіе, даже со всею современною наукою, что теперешнее знаніе и мышленіе кажутся только частями

его міровоззрѣнія, которыя, не достигая его обобщающей мощи, легко укладываются въ безконечныхъ перспективахъ построеннаго имъ лабиринта человѣческаго созерцанія. Этими преимуществами объясняется то неугасимое стремленіе къ передачѣ его драмъ всѣми народами на свой родной языкъ и громадный авторитетъ, которымъ онъ вездѣ заслуженно пользуется. Кто бы ни началъ серьезно изучать литературу, неминуемо, повышая свои вкусы и силу глубины мышленія, въ концѣ-концовъ наткнется на Шекспира и признаетъ въ немъ генія недостигаемой величины. Не въ этихъ краткихъ словахъ, предпосылаемыхъ моему переводу 4-хъ сценъ Гамлета, надлежитъ мнѣ касаться того счастливаго соединенія личныхъ дарованій и возвышеннаго уровня среды вѣка королевы Елизаветы, которые, только дѣйствуя въ совокупности, могли произвести и воспитать такого „гиганта-мастера“,—нѣтъ, я хочу сказать всего нѣсколько словъ въ защиту моего скромнаго опыта, дабы мое желаніе, отъ котораго я не въ силахъ былъ воздержаться, показалось читателю понятною и простиительною дерзостью. Мой опытъ не есть систематическій переводъ,—я этимъ не задавался, я не искалъ краткости, не совмѣстной съ русскимъ языкомъ, невѣщимъ и любящимъ повторенія, я не боялся неточностей тамъ, гдѣ точность не важна: я хотѣлъ только звучно передать

красоты нѣкоторыхъ мѣстъ, въ которыхъ поэтическая образность и глубина мысли нераздѣлимы, даже до звукоподражанія; я хотѣлъ выразить самое для меня дорогое, не заботясь о томъ, что скажутъ.

Я знаю, что всякій, кто вздумалъ бы критиковать мою работу, найдетъ многое для своего сарказма, начиная съ рѣимъ, въ которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ вылились мои строки, но добросовѣстный критикъ не откажетъ мнѣ въ томъ, что есть мѣста, переведенныя ново, оригинально и близко къ подлиннику, а если онъ благосклонно еще отмѣтитъ и особенность общаго колорита, который обыкновенно отсутствуетъ въ переводахъ, то я буду болѣе чѣмъ доволенъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, король Даніи.
Гамлетъ, сынъ покойнаго и племянникъ настоящаго короля.
Полоній, лордъ-камергеръ.
Горацій, другъ Гамлета.
Лаэртъ, сынъ Полонія.
Вольтимандъ.
Корнелій.
Розенкранцъ.
Гиндельштернъ.
Озрикъ.
Придворный.
Священникъ.
Марцелло, офицеръ.
Бернардо, офицеръ.
Франциско, солдатъ.
Рейнальдо, слуга.
Полковникъ.
Посолъ.
Духъ отца Гамлета.
Фортинбрасъ—принцъ Норвежскій.
Гертруда, королева Датская и мать Гамлета.
Офелія, дочь Полонія.
Придворные, дамы, офицеры, солдаты, актеры, могильщики,
вѣстники, матросы, слуги и другіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Эльзинорѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Эльзиноръ. Терраса передъ замкомъ.

Франциско на часахъ. Входитъ Бернардо.

Бернардо.

Кто тутъ есть?

Франциско.

Нѣтъ. Мнѣ отвѣтъ дай. Стой

И назови себя.

Бернардо.

Да здравствуетъ король и вся земля!

Франциско.

Бернардо?

Бернардо.

Я.

Франциско.

Заботливо въ свой часть находитесь вы близко.

Бернардо.

Какъ разъ двѣнадцать бьетъ; ступайте спать, Фран-
циско.

Франциско.

Спасибо за приходъ. Въ некрытомъ шалашѣ
Чертовски холодно и скверно на душѣ.

Бернардо.

Спокойно все у васъ?

Франциско.

И мышь не поскребется.

Бернардо.

Такъ. Хорошо, прощай!

Да если попадется

Гораціо тебѣ съ Марцелло, то моихъ

Ночныхъ безсонныхъ грезъ соперниковъ двоихъ

Проси спѣшить скорѣй...

Франциско.

Я будто слышу ихъ.

Эй, смирно!.. кто тутъ? Стой!..

Гораціо.

Друзья родной земли...

Марцелло.

И Датчанина строй.

Франциско.

Покойной ночи вамъ.

Марцелло.

Прощай, боецъ достойный,

Пусть осѣнитъ тебя часть отдыха спокойный.

А кто тебя смѣнилъ?

Франциско.

Бернардо занялъ постъ.

Всѣмъ доброй ночи вамъ.

Марцелло.

Э-э! Бернардо.

Бернардо.

Ну.

Что, здѣсь Гораціо?

Гораціо.

Вотъ часть его предъ вами.

Бернардо.

Добро пожаловать, Гораціо! И съ нами
Марцелло, добрый другъ.

Марцелло.

Что «это самое» являлось нынче ночью?

Бернардо.

Не видѣлъ ничего.

Марцелло.

Гораціо зоветъ

Все это ложною фантазіи игрою.

Онъ говоритъ, что намъ мерещится съ тобою,

И даже ужасъ тотъ не хочетъ допустить,

Который дважды намъ случилось ощутить.

Вотъ почему его просилъ я сторожить

Здѣсь такъ же, какъ и мы, мгновенья этой ночи.
И если насъ оно захочетъ посѣтить,
То пусть онъ подтвердитъ, что видятъ наши очи,
А съ «появленіемъ» заговорить быть можетъ...

Гораціо.

Но!..

Брось, брось... все это вздоръ,—не явится оно.

Бернардо.

Не съѣсть ли намъ пока, чтобъ обсудить немного,
Какъ все произошло, съ терпѣніемъ и строго.
Вы разрѣшите намъ еще васъ убѣждать
И ваши уши тѣмъ вторично утруждать,
Что дважды мы вдвоемъ здѣсь видѣли недавно.

Гораціо.

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, славно!

Присядемте сперва, какъ слѣдуетъ, потомъ

Бернардо самъ расскажетъ намъ о томъ.

(Садятся.)

Бернардо.

Изъ всѣхъ ночей та ночь, что мы здѣсь были оба,
Поистиннѣ была темнѣй и тише гроба,

На столько жъ, какъ теперь, отъ полюса туда
 На западъ медленно склонялася звѣзда...
 Она тамъ и сейчасъ въ огнѣ горитъ мерцающа.
 Ударилъ колоколъ, мы слышимъ, часъ ужъ бѣтъ...

Марцелло.

Т-съ... смирно! замолчи! Все тамъ же выступая,
 Опять «оно» идетъ...

Тѣнь (входитъ).

Бернардо.

Въ томъ самомъ образѣ, какъ нашъ король покойный.

Марцелло.

Ты школы ученикъ, такъ говори ему,
 Гораціо.

Бернардо.

Смотри, какъ есть король, тому...
 Клянусь, Гораціо, не можетъ быть сомнѣнья.

Гораціо.

Ужасно схоже... но
 Гнететъ меня оно
 Боязни трепетомъ и страхомъ изумленья.

Бернардо.

Не хочетъ ли, смотри, чтобъ говорили съ нимъ?

Марцелло.

Спроси, Гораціо!

Гораціо.

Чѣмъ былъ ты,
 Присвоившій себѣ минуты темноты,
 Часы полуночи и образъ этотъ ясный,
 Похороненнаго отнынѣ навсегда
 Величья Даніи, воинственно прекрасной,
 Въ которомъ здѣсь оно ходило иногда,
 Пока не наступилъ день горести несчастный?—
 Я небомъ заклинаю, говори!

Марцелло.

Обидѣлось оно...

Бернардо.

Уходитъ, посмотри!

Гораціо.

Стой! говори, отвѣть! Я заклинаю, стой!

(Тѣнь исчезаетъ.)

Марцелло.

Пропало все изъ глазъ, скрывая образъ свой,
И не отвѣтило... не говорить съ тобой.

Бернардо.

Что, какъ, Гораціо? дрожишь ты и блѣднѣешь,
Иль нѣчто больше здѣсь фантазій разумѣешь!
Какъ думаешь о томъ?

Гораціо.

Какъ передъ Господомъ, я вѣрить бы не сталъ
Тому, когда бы самъ, такъ непреложно вѣрно,
Своими все сейчасъ глазами не видалъ.

Марцелло.

Король, живой король. Какъ сходень! Совершенно.

Гораціо.

Какъ ты съ самимъ собой. Въ такихъ же латахъ онъ,
Въ какихъ былъ Гамлетъ нашъ, когда былъ имъ
сражень
Норвежецъ гордый. Такъ сурово потемнѣло
Чело высокое, когда онъ поляка
Объ ледъ ударивъ, сбросилъ свысока,

Рукою мощною, врага повергнувъ смѣло.
Какъ странно...

Марцелло.

Предъ нашей стражею такъ два раза неожиданно
И въ этотъ самый часъ оно во тьмѣ глухой
Прошло торжественно, воинственной стопой.

Гораціо.

Въ которомъ именно намъ думать направленъ
И что скрывается въ таинственномъ явленъи,
Отвѣта мысль моя пока мнѣ не дастъ,
Но Даніи грозитъ большой переворотъ.

Марцелло (*сидясь*).

Ну, хорошо! теперь пусть объяснитъ, кто можетъ,
Зачѣмъ такой вездѣ надежный караулъ,
Лишая ночью сна, всѣхъ подданныхъ тревожить?
Зачѣмъ повсюду спѣхъ? зачѣмъ несется гулъ
Заготавливаемыхъ лекалъ для пушекъ мѣдныхъ?
Снарядовъ почему привозъ изъ чуждыхъ странъ?
На верфяхъ мастеровъ зачѣмъ торопятъ блѣдныхъ,
Зачѣмъ какъ будній день и праздникъ у нихъ бѣдныхъ?
Всей этой суеты зачѣмъ кругомъ туманъ?
Кто можетъ мнѣ сказать?

Горацио.

Я это вамъ могу, друзья, растолковать,
 Какъ намъ передаетъ молвы стоустой шопоть,
 Который разнесла народная волна:
 Покойный нашъ король, котораго видна
 Была здѣсь тѣнь сейчасъ, самолюбивый ропоть
 Норвежца возбудилъ. И старый Фортинбрасъ
 Съ покойнымъ Гамлетомъ сразился о ту пору.
 Нашъ доблестный Гамлетъ, какимъ онъ о сю пору
 Въ семъ брэнномъ мѣрѣ чтимъ, тогда его убилъ
 И, какъ вы знаете, согласно договору,
 Норвежца гордаго владѣнья получилъ.
 Когда бы палъ Гамлетъ, всѣ земли Фортинбрасу
 Достаться бы должны. Смыслъ актовъ и бумагъ
 Печать и подписи устанавливали такъ.
 Но Фортинбрасъ молодой, наслѣдникъ злобы гордой,
 Законныхъ нашихъ странъ, границъ опоры твердой
 Насильемъ и мечомъ желая насъ лишить,
 Весь договора смыслъ задумалъ заглушить.
 Клокочущимъ огнемъ, неудержимой лавой
 Стремится онъ на насъ съ голодною оравой,
 Которую кой-гдѣ въ Норвегіи собралъ;
 Рѣшительныхъ на все бродягъ онъ подобралъ,
 Готовыхъ съ голоду сломить уставъ закона,

Въ угоду прихотямъ, желаньямъ и мамону.
 Но въ этомъ кроется, конечно, лишь одно
 Стремленье алчное лишить насъ вновь владѣній,
 Норвежцемъ-старикомъ утраченныхъ давно.
 И оградить страну отъ этихъ вождельней
 Я нашего двора заботу чую. Стонъ,
 Движенье флота, войскъ и спѣхъ приготовленій
 Мы видимъ потому теперь со всѣхъ сторонъ.

Бернардо.

Пожалуй, что и такъ. Величьемъ окруженный,
 Насъ призракъ убѣдитъ въ томъ могъ вооруженный,
 Столь схожій съ королемъ. Въ немъ вижу я намекъ
 На брань, которой онъ давно себя обрекъ.

Горацио.

То атомъ, чтобъ смутить намъ разумѣнья очи.
 Великій Римъ, предъ тѣмъ какъ мощный Юлій палъ,
 На опустѣвшіе гробы дрожа взиралъ.
 По улицамъ его, стная дни и ночи,
 Носился бѣшено, кружился и мелькалъ
 Хоръ страшныхъ мертвецовъ со скрежетомъ зубовнымъ,
 Одѣтый саваномъ, какъ облакомъ огромнымъ?

Звѣзда хвостатая горѣла свѣтомъ злобнымъ,
 Пылая заревомъ, сошла росой кровью...
 По солнцу тѣнь плыла и возникала вновь,
 И будто міру часть кончины возвѣщая,
 Владѣнья влажныя во власти совмѣщая,
 Въ затмѣньи недуга, казалось, навсегда
 Померкла свѣтлая Нептунова звѣзда.
 Такіе же теперь предвѣстники злыхъ бѣдствій
 Грозятъ намъ ужасомъ таинственныхъ послѣдствій,
 И такъ же, какъ тогда, земля и небеса
 Прейдутъ, сольются вдругъ, повѣдавъ чудеса.

(Входитъ тѣнь.)

Но тише! погляди,—вотъ гдѣ опять оно!
 Пускай меня сразитъ, какъ серпъ срѣзаетъ колось,
 Ему я заступлю дорогу. Все равно!
 — Стой, Иллюзія!.. когда тебѣ дано
 Живое слово, звукъ, способность рѣчи, голосъ,
 То говори!..

Свершая подвигъ свой,
 Нессшь ли ты судебъ грядущихъ откровенье,
 Иль дѣла добраго такое завершенье,
 Которое тебѣ сулитъ покой,
 А мнѣ спасенье,

То говори со мной!..
 Страну ли ты свою, любовью охраняя,
 О будущемъ спѣшишь предостеречь собой;
 Пока тебѣ помочь могу, ее спасая,
 О, говори со мной!
 Или, присвоивъ кладъ и совѣсть отягчая,
 Въ былые дни твои случилось, можетъ быть,
 Сокровище тебѣ въ земной утробѣ скрыть,
 За что во тѣмѣ глухой вы, духи, изнывая,
 (Какъ говорятъ) томитесь до зари,
 То говори мнѣ!.. Стой и говори,
 А, говори о томъ... пока не отлетѣло,
 Останови его, останови, Марцелло!

Марцелло.

Мнѣ не ударить ли
 Въ него моимъ мечомъ?

Гораціо.

Когда уходитъ, бей и все равно по чемъ.

Бернардо.

Здѣсь.

Гораціо.

Вотъ оно.

(Духъ исчезаетъ.)

Марцелло.

Ушло.

Угрозу силы мы противопологая
Величью, Духа оскорбить лишь можемъ, забывая,
Что образъ воздуху подобенъ; тутъ споровки
Другія надобны, и онъ неуязвимъ.
Всѣ наши происки лишь жалкія уловки.

Бернардо.

Оно заговорить готовилось, когда
Крикъ пѣтуха донесся вдругъ сюда.

Гораціо.

И прочь рванулось вдругъ,—замѣтилъ ли ты это?—
Какъ виноватое отъ окрика. Звеня
Всѣмъ горломъ, какъ труба въ часъ утренній разсвѣта,
Я слышалъ, что пѣтухъ, благовѣститель свѣта,
Взываетъ пѣніемъ ко власти Бога дня,
И всякій духъ вѣтровъ, земли, воды, огня
Уходитъ тотъ же часъ обратно въ заключенье.
Такому правилу мы видимъ примѣненье.

Марцелло.

Оно разсѣялось при крикѣ пѣтуха.
Я слышалъ, что во дни свободы отъ грѣха,
Когда мы празднуемъ Рожденіе Христово,
То вѣстникомъ зари благословенно повой
Пѣтухъ поетъ всю ночь.
Всѣ духи, какъ туманъ, съ земли сбѣгаютъ прочь;
И вѣдьма лстивая, и злая чаровница
Ни грезы юноши, ни сонъ отроковицы
Не можетъ чарами красы земной смутить.
Планеты бережно свое проносятъ бремя,
И ночь здоровая свой мракъ боится лить.
Такъ тихо въ чистотѣ и свято это время.

Гораціо.

Да! То же слышалъ я, и только потому
Отчасти признаю и вѣрую тому.
Но посмотри! сюда, сіяя счастьемъ власти,
Росою шествуетъ съ восточныхъ тѣхъ высотъ
Въ одеждѣ пурпура къ намъ утро золотое!
Снимайте караулъ въ виду сего красотъ,
Идемте передать Гамлету случай тотъ.
Я жизнию клянусь, видѣнье неземное

Съ нимъ будетъ говорить, хотя для насъ нѣмое.
Согласны ли ему вы все пересказать,
Какъ намъ любовь и долгъ должны повелѣвать?

Марцелло.

Да, сдѣлаемте такъ, прошу я васъ объ этомъ,
Я знаю въ этотъ часъ, гдѣ встрѣтятся съ Гамлетомъ.

СЦЕНА II.

Торжественный залъ въ замкѣ.

Входятъ: Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ,
Вольтимандъ, Корнелій, придворные и свита.

Король.

Хотя смерть Гамлета, любезнаго намъ брата,
Не перестанетъ въ насъ печалью расцвѣтать,
А всю страну тяжелая утрата
Должна бы въ пасмурной личинѣ удержать
И вѣрныя сердца рыданьемъ наполнять;
Хоть наша сдержанность въ бореніи съ природой
Намъ мысли грустныя навѣяла о немъ,
Но, свѣтлымъ помысломъ проникнувъ тьму невзгоды,
Мы въ горѣ думаемъ о счастіи своемъ.
Затѣмъ-то мы сестру, теперь парицу нашу,
Которая страну наслѣдовала вашу,
Съ разбитой радостью супругой нарекли.
Съ слезой въ одномъ глазу—въ другомъ мы обрѣли
Надежду свѣтлую. Веселье въ погребеньи,

Въ вѣнчаньи токи слезъ и смерти пѣснопѣнье
Мы можемъ совмѣстить, умѣя поровну въ вѣсахъ
души дѣлить

И горестъ разума, и сердца восхищенье.
Поступкомъ мы своимъ не оскорбили думъ,
Которыми вы насъ свободно поддержали.
За все благодаримъ.

Теперь: несется шумъ,
Что Фортинбрасъ молодой, которому сказали,
Что послѣ Гамлета почившаго стража
Расшатана, о насъ весьма плохого мнѣнья.
Онъ нашей доблести не вѣритъ, безъ сомнѣнья,
И думаетъ, что власть ему дана
Мечтать о выгодахъ!

Лишая насъ почтенья,
Онъ докучаетъ намъ посланьемъ о земляхъ,
Которыя давно въ поконченныхъ бояхъ
По смерти ихъ отца остались за Гамлетомъ.
Но кончимте объ этомъ.
Мы шлемъ пословъ сейчасъ
Въ Норвегію тайкомъ, гдѣ этотъ Фортинбрасъ
Имѣстъ дядюшку больного,—и склоняемъ
Настойчиво его мы дѣло прекратить,
Которое его племянникъ, какъ мы знаемъ,

Затѣялъ. Я могу здѣсь присовокупить,
Что старику походъ легко остановить
За тѣмъ, что и людей и золото добыть
Племянникъ Фортинбрасъ, какъ мы и намекнемъ,
Въ вассальствахъ дядюшки лишь только могъ.
Къ нимъ плыть,
Корнелій добрый, васъ мы съ миромъ обрекаемъ
И васъ, нашъ Вольтимандъ, туда же посылаемъ.
Норвежцу старому свезите нашъ поклонъ —
Пусть счастливъ будетъ онъ.
Не превышая смыслъ и силу полномочій
Противъ того, какъ съ васъ потребуютъ дѣла,
Пусть будетъ ваша рѣчь любезна и смѣла.
Вы ѣдете къ нему, не ожидая ночи.
Прощайте! Пусть вашъ спѣхъ всѣмъ будетъ намъ
служить.

Вольтимандъ и Корнелій.

Въ немъ, какъ и въ остальномъ, мы рады услужить.

Король.

Мы вѣримъ этому. Прощайте! путь счастливый.

(Корнелій и Вольтимандъ уходятъ.)

Теперь, Лаэртъ, мой другъ, въ чемъ дѣло? Терпѣливый
Готовъ разумное охотно слушать я

И дать согласіе. О чемъ же рѣчь твоя?
Какъ голова близка ея родному сердцу,
Иль какъ рука уста способна разумѣть,
Отцу Лаэртovu готовъ служить по сердцу
Тронъ Даніи. Что хочешь ты имѣть?

Лаэртъ.

Прошу позволить мнѣ во Францію вернуться.
Здѣсь добровольно я съ охотой нахожусь,
Чтобъ долгъ исполнить мой, которымъ я горжусь,—
И въ вашемъ торжествѣ участвовать. Но рвутся
Всѣ помыслы мои, винюсь открыто я,
Опять ко Франціи. Вотъ просьба въ чемъ моя:
Разъ мною долгъ исполненъ,
Прошу я милости, которой преисполненъ
Всегда былъ мой король.

Король.

Вполнѣ ли убѣжденъ
Отецъ вашъ и его имѣете ль согласье?
Полоній скажетъ что?

Полоній.

Воспользовался онъ
Молчаніемъ моимъ, какъ временнымъ участіемъ

Къ мольбамъ настойчивымъ, и, наконецъ, досталъ
Согласье трудное, которое я далъ.
И я, король, молю на это позволеніе
И на отъѣздъ его законное рѣшеніе.

Король.

Лови счастливый часъ, Лаэртъ. Тебѣ тамъ время
Пусть служитъ весело! желаніе твое
Дополнить смѣлостью согласіе мое.
Но вотъ на васъ, Гамлетъ, какой заботы бремя
Кладетъ свое ярмо, мой родственникъ и сынъ...

Гамлетъ *(тихо)*.

И болѣе родной, но внѣ всего родного.

(Садится).

Король.

Какая туча свѣтъ вамъ закрываетъ снова,
Какая ночи тьма туманитъ этотъ взоръ?

Гамлетъ.

Не такъ оно, король: мнѣ слишкомъ много свѣта.

Королева.

Гамлетъ мой добрый, сбрось ночныхъ тѣней просторъ,
На Данію свой взглядъ съ улыбкою привѣта

Скорѣе обрати! Не вѣчно, съ этихъ поръ
Рѣсницы опустивъ и въ прахъ склоняя взоръ,
Искать тебѣ отца. Къ чему судьбѣ укоръ:
Живыхъ во прахѣ нѣтъ, въ быломъ струится Лета
И все живущее одинъ мгновенья соръ.
Такъ просто вѣдь оно: все въ мірѣ помираетъ,
Природа вѣчности все смертью возвращаетъ.

Гамлетъ

Да это очень просто...

Королева

Когда Гамлетъ какъ прочіе всѣ знаетъ,
Что это такъ и есть, и такъ коль суждено,
Столь страннымъ кажется зачѣмъ ему оно?

Гамлетъ.

Что? кажется? — нѣтъ, *есть*.

Я «кажется» не знаю,

Я слово «кажется» за слово не считаю,

Я знаю то, что есть!

Нѣтъ, матушка, ни то, что надѣваю

Я этотъ черный плащъ, ни траурный нарядъ,

Ни бурный этотъ вздохъ стѣсненнаго дыханья,

Ни эти рѣки слезъ, туманящій взглядъ,
Ни худоба лица, ни стонъ глухой стenanья —
Всѣ признаки скорбей ни горя своего
Не могутъ передать, ни чувства моего.
Все то, что видимо, то кажется, конечно.
Но здѣсь на сердцѣ то, что превышаетъ вѣчно
Все, чѣмъ печаль души насъ можетъ украшать.

Король.

Прекрасно, Гамлетъ, такъ оно и достохвально
Душею вашею отца покой почитать.
Усопшему воздай дань скорби погребальной;
Но твой отецъ, какъ ты, въ тоскѣ души печальной
Вѣдь тоже хоронилъ отца? Такъ должно быть.
И дѣдъ вѣдь прадѣда сумѣлъ похоронить...
Пусть пережившій долгъ любви воздастъ сыновний
Въ предѣлахъ горести, въ срокъ времени условный;
Но растравлять въ себѣ упорную печаль...
Грѣха надменнаго упрямство — склонность эта
И неприличная мужчинѣ скорбь. Какъ сталь
Мужчина долженъ быть. Нѣтъ, не достоинъ свѣта
И неба этотъ плачъ! Строптиваго ума,
То сердца слабаго безумье! — Это тьма!
Тьма невоспитанной и неупругой мысли,

Вѣдь все, что знаемъ мы, безспорно въ нашемъ
смыслѣ!

Къ чему же прихотью противиться тому
И сердце раздражать?.. Такъ измѣнять уму—
Грѣшить противъ небесъ. Приказъ небесъ природѣ
Не соблюдать! Сознанье обмануть,
Которое всегда и въ цѣломъ смертномъ родѣ
Лишь только смерть отцовъ и можетъ помянуть
Отъ праха перваго до нашего стенанья...
Чье жъ, если не его, отъ вѣка восклицанье:
«Такъ должно быть всегда.»

Мы просимъ объ одномъ:

Покинь, Гамлетъ, и сбрось тоску печали томной!
Подумайте о насъ, какъ объ отцѣ родномъ,
И пусть узнаетъ міръ, что вы въ любви укромной
У сердца нашего, у трона — ближе всѣхъ!
Что сладости любви, что нѣжныхъ чувствъ утѣхъ
Мы не лишаемъ васъ, какъ намъ родного сына,
А что до вашего стремленья въ Виттенбергъ,
Чтобъ школу посѣщать, въ насъ цѣтъ на то желанья.
Въ лучахъ любви и радости сіянья
Намъ взгляды радуя и дворъ чаруя весь,
Мы просимъ очень васъ остаться съ нами здѣсь,
Какъ сына добраго и перваго вельможу.

Королева.

Пусть матери слова не пропадаютъ тоже.
Забудь свой Виттенбергъ и оставайся здѣсь;
Прошу тебя, мой сынъ, раздумать и остаться.

Гамлетъ (королеву).

Какъ можно лучше вамъ готовъ повиноваться.

Король.

Вотъ это радостный, привѣтливый отвѣтъ!
Будь съ нами въ Даніи, на родинѣ, Гамлетъ!
Сударыня, идемъ. Любезно рѣчь Гамлета
Цвѣтетъ улыбкою въ душѣ. И радость эта
Наполнить Даніи бокалы до краевъ;
Пусть пушекъ громъ, взлетѣвъ до неба облаковъ,
Исторгнетъ въ нашу честь у тучъ небесныхъ громы
Въ знакъ, что веселіемъ полны дворцы и дома.
Пусть небо говоритъ, когда мы славу пьемъ,
И шумно повторитъ земной нашъ пиръ.

Идемъ.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Гамлета).

Гамлетъ (одинъ).

О, если бы вся кровь, всѣ кости, это тѣло,
Растая въ воздухѣ, разсыпались росой!

Иль голосъ Божества не запретилъ намъ смѣло

Покончить жребій свой...

О, Боже!.. Боже мой!..

Какъ скучны и смѣшны, какъ стары и ничтожны

Здѣсь міра этого значенье и права!

Фу, смрадъ презрѣнья—міръ.

Ты, копотъ правды ложной,

Ты садъ неполотый, гдѣ сорная трава

Уходитъ въ сѣмена, плодя свое отродье!

Вонючсй пошлости полно бытье въ природѣ!

И къ этому придти...

Жизнь въ мірѣ смерти гаже!

Два мѣсяца пути!..

Да что я, меньше даже

Со дня его кончины! Такого короля!

А... то былъ Геліосъ въ сравненіи съ тѣмъ сатиромъ.

Ты правилъ Даніей, какъ солнце править міромъ,

Тобой дышала мать, твой свѣтъ пила земля...

Какъ ты любилъ ее! Небесный вѣтеръ смѣлъ ли

Все время, какъ ты жилъ, достигъ ся ланить?

О, небо и земля! Припомнить я хотѣлъ ли,

Что бережно душа упрямая хранить.

Да вѣдь бывало какъ она имъ дорожить!

Бывало льнетъ къ нему и ласкою дарить...

Казалось, что любовь была ея питанье,—

И черезъ мѣсяцъ вотъ... Умри воспоминанье,

Ничтожность, женщина, одно тебѣ названье!..

Не больше мѣсяца, — скорѣ чѣмъ башмакъ

Успѣла износить, въ которомъ шла за тѣломъ

Несчастнаго отца, заплаканная такъ,

Какъ Ніобея мать, подъ покрываломъ бѣлымъ,

Достойнѣйшая всѣхъ, быть можетъ, въ мірѣ цѣломъ.

Что жъ? Даже и она!

О, небо свѣтлое! Животнымъ не дана

Душа и мысль, но тѣ и то грустили бъ дольше,

А ты! Ты нагрѣшила больше!..

Вѣнчаться съ дядею! Мой дядя, братъ отца!

Похожій столько же на бѣднаго отца,

Какъ я, Гамлетъ, теперь похожъ на Геркулеса...

Чрезъ мѣсяцъ?.. А?.. не высохла завѣса

Ея притворныхъ слезъ, которыхъ соль видна

Въ румянцѣ этихъ щекъ,—другого ужъ жена!

О, гнусный пылъ страстей, толкнувшій—и кого же!—

Въ безчестіе грѣха, въ кровосмѣшенья ложе!

...Оно не дастъ добра, не можетъ счастья дать,

Лишая насъ того, что намъ всего дороже...

Разбейся эта грудь, уста должны молчать!

Входятъ Гораціо, Бернардо и Марцелло.

Гораціо.

Желаю здравствовать я вашей чести, принцъ!

Гамлетъ.

Я очень радъ здоровымъ васъ увидѣть.

Гораціо?! коль не смутился я...

Гораціо.

Онъ самый, государь, всегда слуга вашъ бѣдный.

Гамлетъ.

Другъ... Добрый другъ... обмѣнимъ имена.

Что дѣлаете вы, сбѣжавъ изъ Виттенберга?

Марцелло...

Марцелло.

Государь...

Гамлетъ.

Я очень радъ васъ видѣть. Добрый вечеръ!

Но въ самомъ дѣлѣ, что изъ Виттенберга къ намъ

Васъ привело сюда?

Гораціо.

Порывъ неприлежанья,

Мой добрый государь.

Гамлетъ.

Самимъ врагамъ твоимъ я бъ не далъ такъ сказать,

Тѣмъ болѣ ты мой слухъ не долженъ оскорблять

Такою клеветой, желая колебать

Мою въ слова твои и донесенья вѣру.

Непостоянствъ твоихъ я разумѣю мѣру:

Ты не лѣнивь. Но что вамъ дѣлать здѣсь?

Мы въ Эльзинорѣ васъ научимъ до отъѣзда

Свой кубокъ выпивать за разъ, до дна и весь.

Гораціо.

Я прибылъ, государь, сюда на погребенье

Отца вашего, принцъ.

Гамлетъ.

Товарищъ школьный мой,

Не повергай меня насчетъ себя въ сомнѣнье;

Не насмѣхайся такъ безплодно надо мной.

На свадьбу матери какъ разъ попалъ ты впору;

Ты значить, поспѣшилъ ко свадебному сбору.

Гораціо.

Гробъ и вѣнцы ведутъ другъ друга за собой.
Дѣйствительно, оно послѣдовало скоро.

Гамлетъ.

Скопъ, скопъ, Гораціо, остатковъ отъ поминокъ
На свадебныхъ столахъ холоднымъ подають.
Пусть встрѣтилъ раньше бъ я всѣхъ злыхъ враговъ
на небѣ,
Чѣмъ эти злые дни, какіе настають.
Отецъ!.. мнѣ чудится, что все отца я вижу!

Гораціо.

Но гдѣ же, государь?

Гамлетъ.

Въ очахъ души, Гораціо.

Гораціо.

Онъ славный былъ король. Когда-то я видалъ
Его величество.

Гамлетъ.

Да, былъ опъ человѣкъ
Во всемъ, вездѣ, всегда! Но рокъ его отнялъ,
И не найти ему подобнаго вѣкъ!

Гораціо.

Сдается, государь, его вчера я видѣлъ.

Гамлетъ.

Ты?.. Видѣлъ? Какъ! Кого??

Гораціо.

Да государя, принцъ, и вашего отца.

Гамлетъ.

Отца и государя?!

Гораціо.

Умѣрьте вашъ порывъ, мгновенье одно
Вниманья, добрый лордъ, вниманья и терпѣнья,
И я вамъ передамъ въ присутствіи друзей
Исторію чудесъ по памяти моей.

Гамлетъ.

Любовью неба, дай услышать мнѣ скорѣй!

Гораціо.

Двѣ ночи на посту Бернардо и Марцелло,
Когда кругомъ ихъ тѣма полночная чернѣла

И сномъ покоилась въ безмолвіи земля,
 Вдругъ были встрѣчены тѣмъ, что предъ вами смѣло,
 Признать рѣшаемся видѣньемъ короля.
 Воинственная броня его во тьмѣ блестѣла,
 Во всеоружіи отъ ногъ до головы.
 Отъ нихъ не далѣе, чѣмъ какъ стоите вы,
 Являлося оно и трижды передъ ними
 Прошло торжественно не спѣшною стопой,
 Едва въ ихъ сторону склоняясь головой
 И долго, пристально слѣдя какъ бы за ними.
 Но взгляды ихъ и глаза застыли, какъ во снѣ;
 Рѣчей отъ трепета лишённые, они
 Какъ студень онѣмевъ, не вымолвили слова,
 И, тайну дивную передавая мнѣ,
 Просили въ случаѣ провѣрить это снова.
 На третью ночь я былъ на караулѣ ихъ.
 Все было точно такъ, и вотъ уже троихъ
 Какъ разъ въ тотъ самый часъ и въ томъ же по-
 ложеніи

Вновь посѣтила насъ таинственность явленья.
 Едва я превозмогъ порывъ моей тоски!
 Отца вашего, принцъ, вѣдь я видалъ, и что же?!
 Взгляните вотъ сюда: вотъ двѣ мои руки—
 Онѣ не болѣе между собой похожи.

Гамлетъ.

Но гдѣ жъ случилось все? — Скажите мнѣ о томъ!

Гораціо.

Тамъ, гдѣ дежурили, на парапетѣ томъ.

Гамлетъ.

Вы говорили съ нимъ?

Гораціо.

Да, говорилъ, — притомъ

И спрашивалъ, — оно не отвѣчаетъ.
 Мнѣ чудилось, оно чуть-чуть приподнимаетъ
 Какъ будто голову, готовясь говорить...
 Но только вздумало оно пошевелить
 Концомъ бровей своихъ, какъ, утро возвѣщая,
 Запѣлъ пѣтухъ какъ разъ; и тотчасъ исчезая,
 Какъ дымъ разсѣявшись въ мгновенье изъ глазъ,
 Пропало все...

Гамлетъ.

Да это очень странно!

Гораціо.

Все это истина, мой предостойный лордъ,
 Такая же, какъ то, что я живу на свѣтѣ,

И мы за долгъ почли вамъ тотчасъ же, милордъ,
Подробно доложить, что знасмъ о предметѣ.

Гамлетъ.

Такъ, такъ, друзья мои. Меня оно смущаетъ...
Вамъ въ караулъ идти опять сегодня ночь?

В с ѣ.

Такъ точно, государь.

Гамлетъ.

Вооруженное, вы говорите?

В с ѣ.

Да,

Вооруженное.

Гамлетъ.

Отъ головы до пятъ?

В с ѣ.

Да, съ ногъ до головы.

Гамлетъ.

Лица его не видно?

Гораціо.

О, видѣли, милордъ: онъ съ поднятымъ забраломъ.

Гамлетъ.

И сумрачно суровъ былъ взглядъ сего притомъ?

Гораціо.

Нѣтъ, былъ онъ удрученъ скорѣе, чѣмъ разсерженъ.

Гамлетъ.

Что жъ блѣденъ иль багровъ?

Гораціо.

Нѣтъ, блѣденъ, очень блѣденъ.

Гамлетъ.

И свой оно на васъ приковывало взглядъ?

Гораціо.

Все время, непрестанно.

Гамлетъ.

Хотѣлъ бы я тамъ быть!

Гораціо.

Оно бъ васъ изумило.

Гамлетъ.

Да, очень можетъ быть...
И долго оно было?

Гораціо.

Пока до сотни разъ сочтете не спѣша.

Марцелло и Вернардо.

О, дольше, много дольше!

Гораціо.

Не въ разъ, когда я былъ.

Гамлетъ.

А борода его была сѣдая? Такъ ли?

Гораціо.

Она была какъ разъ, какой была при жизни:
Какъ соболю съ просѣдью.

Гамлетъ.

Я съ вами эту ночь. Быть можетъ, вновь придетъ.

Гораціо.

Увѣренъ въ этомъ я.

Гамлетъ.

О, если ты придешь, достойнаго отца
Видѣніе, ко мнѣ, то я цѣною жизни
И что бы ни было заговорю съ тобой!
Пусть самый адъ ревнетъ всѣмъ звѣвомъ о молчаньи,
Я съ нимъ заговорю!

Я всѣхъ прошу, друзья:

Коль въ тайнѣ это все

Хранилось до сихъ поръ,

Хранится пусть оно въ тиши какъ можно дольше.
И что бы въ эту ночь ни посѣтило насъ,
Поймите все безъ словъ, и я за ваши чувства
Сумѣю вамъ воздать. Желаю счастья вамъ!
Въ двѣнадцатомъ часу я съ вами на площадкѣ.

В с ѣ.

Почтенье вашей чести.

Гамлетъ.

Не меньше вашей — къ вамъ моя любовь, друзья!
Прощайте!

(Уходятъ.)

Отца,

Вооруженный духъ. — Не все благополучно, —
Нѣтъ, нѣтъ, не все. Подозрѣваю я

И козни злобныя, и горькія обиды.
 Скорѣй бы ночь,
 А до тѣхъ поръ покойна
 И въ мирѣ будь душа.
 Всплывутъ неправыхъ дѣлъ насилья и обманы,—
 Плоды погибели, вскрывая сердца раны,
 Хотя-бъ обрушилась на нихъ земля сама,
 Закрывъ собою ихъ отъ взгляда и ума.

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Офелія и Лаэртъ.

Лаэртъ.

Все то, что понужнѣй, погружено. Прощай!
 Однакоже, сестра, коль будетъ вѣтеръ вскорѣ
 Отъ васъ попутный дуть, неся волною въ морѣ
 Корабль ко Франціи,—не спи и не зѣвай
 И чаще о себѣ меня оповѣщай.

Офелія.

Ты сомнѣваешься?

Лаэртъ.

А что же до Гамлета
 И всѣхъ его съ тобой любовныхъ пустяковъ...
 Смотри, пожалуйста, съ улыбкою на это,
 Какъ на игру крови у свѣтскихъ остряковъ,
 Какъ на фіалки цвѣтъ. Весною молодою
 Свой чудный ароматъ она такъ нѣжно льетъ!

Онъ крѣпокъ, но его непостояненъ медъ;
Хоть сладокъ, можетъ быть, но нѣжитъ насъ собою
Минуто, вотъ и все, покуда лишь цвѣтетъ.
Такъ нѣжатъ чары сна: мгновеніе — не дольше.

Офелія.

Не дольше? Только?

Лаэртъ.

Да. Считаю того не больше
За тѣмъ, что смыслъ вещей съ ихъ внѣшностью растетъ:
Чѣмъ выше созданъ храмъ, тѣмъ больше въ немъ
влеченій,

Тѣмъ громче и полнѣй дыханье пѣснопѣній,
Торжественнѣе жизнь. Пусть любитъ онъ тебя
(Согласенъ допустить), хотя бы не шутя,
И воля, честный пылъ души его покуда
Лукавствомъ грязныхъ думъ еще не запятнавъ,
Желанье въ чистотѣ хранить. Но ты повсюду
Опасливо страшишься его чрезмѣрныхъ правъ:
Его стремленія не въ полной его власти, —
Такъ можно ли ему и отвѣчать за нихъ?
Онъ весь, лишенный чувствъ своихъ,
Принадлежитъ не самъ себѣ къ несчастью,

Но сану высшему; имъ неизмѣнно онъ
Отъ самыхъ малыхъ лѣтъ до смерти надѣленъ.
Не такъ онъ поступать обязанъ отъ рожденья,
Какъ вольный человѣкъ безъ сана и значенья.
Залогъ въ немъ скрытыхъ силъ и золотые сны,
Здоровье и покой народа и страны.
Поэтому его и выборъ ограниченъ
Той тѣла цѣлаго подачей голосовъ,
Котораго главой онъ въ жизни возвеличенъ.
Такъ что, когда тебѣ потокомъ нѣжныхъ словъ
Откроетъ онъ любовь своей души, ты только,
Въ предѣлахъ силъ его, повѣрь ему настолько,
Насколько слова смыслъ поступкомъ закрѣпить
И съ цѣлой Даніей свой выборъ согласить
Онъ можетъ. Взвѣшивай, умомъ соображая,
Что честь твоя тебѣ дозволить выносить:
Не то довѣрчивъ слухъ и пѣснь любви вливая,
Ты, сердце потерявъ, сокровища твои
Утратишь, чистоту и радости свои
Его безумію безвластному ввѣряя.
О, бойся этого, сестра моя! скорѣй
Смыкай поуже кругъ любви святой твоей
Внѣ натиска страстей, опасности желанья:
Чистѣйшая изъ дѣвъ распутна ужъ тогда,

Когда въ ней вспыхнуло красы ея сознанье,
 Когда часть прелестей открыта иногда
 Нескромностямъ луны въ полночный часъ бываетъ.
 Повѣрь мнѣ, страхъ грѣха отъ многого спасаетъ!
 И добродѣтели касалась клевета.
 Какъ часто видимъ мы, что даже почка та,
 Которая весной еще не расцвѣтаетъ,
 Червемъ подточена, внезапно пропадаетъ,
 Когда въ природѣ жизнь такъ щедро разлита.
 Ахъ, въ росахъ вешнихъ дней коварнѣй дуновенье
 Скрываетъ иногда злыхъ ядовъ испаренье;
 Спасай себя отъ нихъ; въ душѣ храни покой,
 А въ мысляхъ чистоту. Боязнь—ограда бѣдствій,
 Непоправимыхъ золь и пагубныхъ послѣдствій.
 А юность насъ сгубить готова и тогда,
 Въ грѣхѣ сообщника и вовсе нѣтъ когда.

Офелія.

Я удержу, урокъ и наставленье,
 Какъ вѣрный стражъ души, не дремлющій въ рѣшеніи.
 Но, братъ мой дорогой, не будь передо мной
 Въ своихъ проповѣдяхъ, какъ пасторъ тотъ на-
 дменный,
 Который къ небу путь тернистый и побѣдный

Указывая намъ,
 Смѣясь надъ сказаннымъ, шагаетъ смѣло самъ
 Въ цвѣтущихъ пажитяхъ любви и сладострастья.

Лаэртъ.

Не бойся...

Мнѣ пора однако же!— Не ждешь
 Насъ время быстрое: отъѣзда срокъ пройдетъ...
 Чу, вотъ и батюшка, мнѣ кажется, идетъ!

(Входитъ Полоній.)

Вдвойнѣ благословить—двойная благодать.
 Улыбка случая мнѣ шлетъ вторичный отпускъ.

Полоній.

Еще все здѣсь, Лаэртъ. На бортъ, на бортъ! Отдать
 Пора ужъ якоря; смотри, вѣдь скоро вечеръ.
 Стыдись! Ужъ паруса надулъ попутный вѣтеръ;
 Всѣ ждуть тебя. Чего ты медлишь здѣсь?
 Благословенье? Вотъ. (Кладетъ руки на голову Лаэрту.)

Съ напутственнымъ моленьемъ

Прими его, мой сынъ,—я съ нимъ душою весь.
 Внемли же нѣсколькимъ при этомъ наставленьямъ,
 Совѣты отъии всегда барышъ дадутъ;
 Они, коль вспомнишь ихъ, разсудокъ къ заклю-
 ченьямъ

Разумнымъ привести,
 Особенно когда ихъ примѣняемъ впору.
 Не отдавай устамъ свой здравый смыслъ и умъ,
 А дѣйствіямъ своимъ несообразныхъ думъ
 Не довѣрай тотчасъ безъ строгаго разбору;
 Будь фамиллярно простъ; но грубымъ—никогда;
 Друзей, какіе есть, испытывай всегда
 И вслѣдъ затѣмъ спѣши, какъ области къ коронѣ,
 Ты къ сердцу приковать ихъ обручемъ стальнымъ;
 Ко всѣмъ же остальнымъ
 Ты относись слегка, не утруждай ладони
 Со всякимъ выскочкой, безперымъ сорванцомъ
 Иль нсобсохнувшимъ на солнышкѣ птенцомъ
 И недосиженнымъ на мудромъ жизни лонѣ,
 Но выпущеннымъ въ свѣтъ безмысленнымъ отцомъ.
 Старайся избѣгать безпутной глупой ссоры,
 А если впутался средь шумнаго раздора,
 Пусть опасаются противники тебя;
 Дай ухо всякому, языкъ же—про себя;
 Выслушивая всѣхъ, удерживай сужденіе:
 Сокрытое въ себѣ дороже наше мнѣніе.
 Пусть выборомъ одеждъ займется кошелекъ,
 Соображаясь, чтобъ не слишкомъ тяжко легъ
 Расходъ на выручку. Пусть платье будетъ пышно,

Но и не вычурно. Цѣнно и не пестро.
 А дворъ и высшій кругъ во Франціи, какъ слышно,
 Нарядомъ славятся и говорятъ остро.
 Тамъ платье главное, къ тому жъ въ понятяхъ вѣка
 Одежда говоритъ безъ словъ за человѣка.
 Не одоужай въ заемъ и самъ не занимай:
 Какъ часто видимъ мы, самъ это замѣчай,
 Заемъ и съ дружбою безслѣдно пропадаютъ;
 Они утратятся средь мелочной борьбы
 И въ холодѣ души другъ друга потеряютъ;
 Заемъ расчетовъ зло и ядъ мужской судьбы.
 Но вотъ что главное. Коль самъ себѣ ты вѣренъ,
 То въ этомъ, какъ и въ томъ, что ночь спѣшитъ за днемъ,
 Ты можешь быть всегда и съ твердостью увѣренъ,
 Что передъ прочими въ понятіи твоёмъ
 Не будешь ты фальшивъ. Прощай! Твое сужденіе
 Да укрѣпитъ въ тебѣ мое благословеніе!

Лаэртъ.

Прощайте, батюшка! Запомню все, какъ есть,
 Порукой въ томъ моя пускай вамъ служить честь.
 Съ любовью искренней склоняюсь къ вашей груди.

Полоній.

Ну, время насъ не ждетъ; ступай, тебя ждутъ люди.

Лаэртъ.

Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ.

Офелія.

Въ ларцѣ души моей смыкая твой завѣтъ,
Тебѣ я ключъ даю того, что сохраняю.

Лаэртъ.

Прощай. (*Уходитъ.*)

Полоній.

О чемъ съ тобой онъ говорилъ, скажи.

Офелія.

О принцѣ Гамлетѣ, не въ гнѣвъ вамъ...

Полоній.

Разскажи,

Что это. Впрочемъ, я, насколько понимаю
Все то, что вокругъ меня частенько говорятъ,
Успѣлъ уже узнать, что онъ съ тобой проводитъ
Часы наединѣ; и если происходитъ
Все это такъ, какъ всѣ мнѣ дать понять хотятъ,
И ты сама на тѣхъ свиданіяхъ укромныхъ
Была добра въ словахъ, и щедрыхъ и свободныхъ,
Тебѣ замѣчу я, душой тебя любя:

Не въ силахъ разумѣть ты ни сама себя,
Ни то, какъ надлежитъ на этомъ видномъ мѣстѣ
Быть дочери моей въ достоинствѣ и чести.
Что между вами есть?—скажи мнѣ правду всю.

Офелія.

Онъ, батюшка, почтилъ меня своей любовью.

Полоній.

Любовью... пфе! почтилъ онъ этимъ дочь мою
И подалъ тѣмъ предлогъ къ насмѣшкамъ и злословью.
Ты судишь о судьбѣ твоихъ грядущихъ дней,
Какъ дѣвочка въ чаду наивности своей.
А много ль вѣришь ты, скажи, его почтенью,
Какъ склонность ты его сейчасъ мнѣ назвала?

Офелія.

Не знаю, батюшка; объ этомъ къ заключенью
Моя о немъ мечта меня не привела.

Полоній.

Такъ я васъ приведу. Почти себя ребенкомъ,
Когда почла его почтенье столь же звонкимъ,

Какъ золото, а грошъ ему цѣна.
Ты почитай себя дороже, дочь, порою
И честь твою въ себѣ,—безцѣнна въ насъ она.
Не чтя мои слова съ ихъ жалкою игрою,
Почтеніемъ глупца меня ты наградишь.

Офелія.

Онъ мнѣ въ любви своей почтительно признался
И скромно говорилъ, когда мнѣ объяснялся.

Полоній.

Ты «скромностью» зовешь. «Почтенье» говоришь.
Поди, рассказывай: меня не удивишь.

Офелія.

Признаніе свое онъ клятвою скрѣпляетъ,
Ручательствомъ въ словахъ любовь онъ призы-
ваетъ
И небо свѣтлое въ свидѣтели беретъ.

Полоній.

Да, знаемъ, знаемъ мы! Силки для перепелокъ,
Когда намъ крови жаръ всѣ чувства обойметъ,

Куда щедря душа и какъ легко даетъ
Всѣ клятвы языку, а онъ куда какъ ловокъ!
Нѣтъ, пламя это, дочь, предъ нами ярко льетъ
Лишь свѣтъ, но не тепло: оно горитъ для взора.
Нѣтъ, дочь моя, огнемъ его не называй.
Оно въ дѣлахъ своихъ, какъ въ обѣщаньяхъ, скоро
Угаснетъ какъ ничто.—Ты это такъ и знай!
Отнынѣ будешь ты значительно скупѣе:
Своимъ присутствіемъ любовь не награждай.
Забава дѣвичья пусть будетъ поцѣпнѣе,
Чѣмъ милаго приказъ придти на разговоръ.
Гамлета же ты такъ цѣни отъ этихъ поръ,
Коль цѣну истины и жизни ты узнала.
Онъ молодъ и здоровъ
И вовсе на себѣ не носитъ тѣхъ оковъ,
Которыми тебя сама судьба связала.
Короче, клятвамъ тѣмъ, смотри, не вѣрь никакъ:
Способныя купить совсѣмъ не то, что такъ
Невинный тѣшитъ взоръ, онѣ—одно старанье
Собою выманить преступное желанье,
И дышать святостью, чтобъ легче обольстить.
Однажды навсегда прошу я затвердить,
И, въ мысляхъ у себя не допуская смуту,
Коль будешь ты имѣть свободную минуту,

То не теряй ее съ Гамлетомъ въ болтовнѣ.
Смотри, запомни все и будь послушна мнѣ.
Ступай и поступай не слишкомъ простодушно.

Офелія.

Всегда вамъ и во всемъ, отецъ мой, я послушна.

СЦЕНА IV.

Площадка.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гамлетъ.

Кусается морозъ. Ужасно холодно!

Гораціо.

Какъ рѣзокъ воздухъ здѣсь, такъ вотъ и щиплетъ
стужа.

Гамлетъ.

Который часъ?

Гораціо.

Къ полуночи давно.

Марцелло.

Ужъ пробило.

Гораціо.

Вотъ какъ! Я не слыхалъ.

Мы къ часу подошли тому же,

Въ который духъ

Привычку взялъ...

Что это? *(Слышны барабаны и трубы.)*

Гамлетъ.

Король нашъ до разсвѣта
 Пируетъ, бѣсится, ѣстъ, пьетъ, кутить за двухъ
 И буйнымъ оргіямъ безумно предастся.
 А рейнскимъ какъ виномъ достаточно унется,
 Велитъ тотчасъ трубить въ честь каждой чаши онъ.
 А за трубою вслѣдъ кимваловъ слышенъ звонъ,
 И барабанный гулъ далеко раздается,
 Побѣды пѣснь творя надъ выпитымъ виномъ.

Гораціо.

Обычай это здѣсь?

Гамлетъ.

Къ несчастію, нашъ домъ
 Того держаться сталъ. Хоть я и приучился,
 Но лучше бы, по мнѣ, обычай тотъ забылся,
 А между тѣмъ вѣдь шлетъ безславный пиръ
 На западъ и востокъ намъ бранное названье,
 Насъ свинскимъ именемъ зоветъ крещеный міръ,
 Скотами пьяными, пятная наше званье.
 Такія рассказы способны погубить
 Всю жизненность ума, все лучшее влеченье
 Тѣхъ подвиговъ благихъ, что намъ дано свершить,
 Хотя бъ свѣтило въ нихъ ихъ высшее значенье.

Такъ, съ грустью видимъ мы крушеніе всего:
 Устоевъ, разума и чести всей порою.
 У смертнаго, когда въ природѣ ль у него,
 Иль случаемъ судьбы, привычки ли виною
 (Вѣдь даже кругъ среды вліяетъ на него)
 Ошибка малая его казнить собою.
 Чѣмъ выше онъ душой, тѣмъ строже злобный вѣкъ
 Надъ нимъ свой приговоръ немилосердный ставитъ;
 Къ такимъ спѣшить позоръ, ихъ счастье оставить;
 Хотя не виноваты въ рожденіи человѣкъ,
 Малѣйшее пятно семейства и породы
 Вмѣняется ему, марая его честь.
 Онъ рабски подчиненъ случайностямъ природы
 И за одну черту онъ кару долженъ несть.
 Вдругъ все противъ него, что только въ жизни есть,
 Все: робость разума и воли пылъ мятежный,
 Правдивый, искренній, отвѣтъ его прямой,
 Молчанье скромности иль честности порой
 И совѣсти порывъ чувствительный и нѣжный,
 И все усиліе боренья противъ зла,
 И перѣшительность, которую взяла
 Любовь въ проводники, и тотъ поступокъ смѣлый,
 Который пересѣкъ нить Гордія узла:
 Отравленное, все погибнетъ въ опьянѣлой

Отъ зла душѣ. Такъ малой искры жаръ
Всеножигающій вздымаетъ вдругъ пожаръ...

(Входитъ) ТѢНЬ.

Гораціо.

Глядите, государь, оно идетъ!—Смотрите!

Гамлетъ.

Архангелы небесъ, святые, защитите!
Духъ живота ли ты, иль демонъ проклятой,
Дыханье ли небесъ, иль ада дуновение,
Сулишь ли ты любовь, иль злобы дерзновение,—
Твой видъ соблазна полонъ, я говорю съ тобой!
Послушай, я тебя зову Гамлетомъ,
Царемъ, отцомъ, и ты еще при этомъ,
Датчанинъ царственный, отвѣть душѣ моей,
Не дай въ невѣдѣнны пропасть напрасно ей:
Покой святыхъ костей въ ихъ тѣсномъ заключеннѣ
Что возмутило вдругъ?—Въ безмолвномъ заточеннѣ
Ты гроба пелены зачѣмъ сорвалъ съ себя?
Зачѣмъ могилы пастъ, куда тебя рыдая
Мы съ миромъ погребли, зѣвъ мраморный вскрывая,
Извергнула тебя?

Что можетъ означать, что ты, мертвецъ безгласный,
Во вссоружьи всталъ, закованный въ бронѣ,
И, отвращеніе вселяя въ ночь, ужасный
Обзоръ свершаешь свой при трепетной лунѣ,
Въ серебряныхъ лучахъ путь жизни провѣряя?
А мы—глупцы земли, слѣпые въ нашсмъ снѣ—
Стоимъ потрясены въ отчаяннѣ, не зная,
Каковъ предѣлъ души въ пространствѣ. Молви мнѣ,
Откуда ты пришелъ, духъ неба или рая,
Отвѣтъ дай, что это? Зачѣмъ? Что дѣлать намъ?

(Тѣнь манитъ Гамлета.)

Гораціо.

Онъ за собой идти приказываетъ вамъ,
Какъ будто далѣе отсюда увлекая
И что-то вамъ однимъ сказать какъ бы желая.

Марцелло.

Онъ хочетъ, можетъ быть, такое рассказать,
Что вамъ лишь надлежитъ услышать и узнать.
Глядите, какъ добро лишь васъ онъ приглашаетъ
Подальше отъ насъ, чтобъ съ вами быть однимъ;
Съ какою ласкою онъ взоры обращаетъ!—
Но, не ходите съ нимъ...

Гораціо.

Нѣтъ, нѣтъ.

Гамлетъ.

Не говоритъ,—такъ я пойду за нимъ.

Гораціо.

Не дѣлайте того!

Гамлетъ.

Къ чему боязнь—не знаю.

Булавки жизнь мою ничтожнѣе считаю,

А для души... что сдѣласть онъ ей,

Безсмертной, какъ онъ самъ, душѣ моей?

Меня онъ манитъ вновь: ему вослѣдъ иду я.

Гораціо.

А что какъ въ омутъ васъ съ собою за одно

Онъ завлечетъ? Иль, пропасти минуя,

Взнесетъ наверхъ скалы, которой моря дно

Основою, а верхъ надъ бездною ужасной

Повисъ. Тамъ приметъ онъ для смертнаго опасный

Такой ужасный видъ,

Что разумъ царственный въ безумье обратитъ.

Подумайте: того, кто лишь туда восходитъ,

Видъ самой мѣстности въ отчаянье приводитъ.

Тамъ слышно, какъ внизу кипитъ пучинъ приливъ
 Реветъ, волну свою на берегъ устремивъ,
 А въ морѣ тьмы тѣней встрѣчаешь предъ собою...

Гамлетъ.

Онъ все меня зоветъ. Иди, я за тобою!

Марцелло.

Нейдите, государь!

Гамлетъ.

Возьмите руки прочь!

Гораціо.

Ни шагу въ эту почу!

Послушайтесь друзей въ такомъ опасномъ дѣлѣ.

Гамлетъ.

Зоветъ меня судьба; нервъ каждый въ этомъ тѣлѣ.

Почуя силу льва, впередъ меня влечетъ.

Пустите, господа! Видѣнье вновь зоветъ. *(Вырывается.)*

Всякъ тотчасъ, какъ Богъ святъ, самъ въ призракъ
 обратится,

Кто помѣшаетъ мнѣ за призракомъ стремиться.

Прочь, говорю я вамъ! Приказано судьбой.—

Иди!... я слѣдомъ за тобой!

(Гамлетъ и призракъ уходятъ.)

Гораціо.

Въ отчаянье его повергнуло мечтанье.

Марцелло.

Послѣдуемъ за нимъ. Не къ мѣсту послушанье.

Гораціо.

Держите же его! Чѣмъ кончится все это?

Марцелло.

Да, что-то подгнило здѣсь въ Даніи у насъ.

Гораціо.

Судьба устроитъ всё!

Марцелло.

Я умоляю васъ,

Идемъ вослѣдъ Гамлету.